

18+

Дмитрий Каминский

МИРОСОТВОРЕНИЕ

Дмитрий Каминский

Мирсотворение

«Издательские решения»

Каминский Д.

Миросотворение / Д. Каминский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509278-6

Миросотворение. Аналог Нового года и Рождества в других декорациях. Мир Поднебесья застыл в ожидании праздничного чуда. Но, что делать, если оно не наступает? Нужно стать чудом самому.

ISBN 978-5-00-509278-6

© Каминский Д.
© Издательские решения

Содержание

I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мирсотворение

Дмитрий Каминский

Дизайнер обложки Ольга Рыкунова

© Дмитрий Каминский, 2020

© Ольга Рыкунова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-9278-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Затухающее небо. Точно миллиарды мотыльков, порхают крупные снежинки. Мерцающий парк искрит многоцветными огнями. Веселится и гуляет столичный народ! Пляски вокруг костров. В огне тепло и жизнь!

Вертикальный замок залит светом, как глазурью. Он похож на сладкий свежий торт! Он возвышается до самых звезд! А под звездами – фейерверки. Цветочный порошок разрывается над городом. Серпантинком ложится на алмазную корку снега, осыпает сугробы и детские горки.

Ворота в Эйджгейт открыты. Как открыты сердца живых! Ворота распахнуты настезь. Искренние объятия. Долой вражду и неприязнь! Сегодня принимают всех!

Гномы в красных колпаках, а гоблины – в изумрудных. Суетливо носятся в толпе, вручая каждому небольшой подарочек: леденец, медную фибулу, заводную игрушку. Они духикудесники. Они приносят праздник!

По льду застывшей реки проносятся конькобежцы. Армии голосистых детишек штурмуют снежные крепости. На щеках румянец. В глазах кристаллики слезинок. Это от воздуха. Он свежий, колкий. Кусает кожу, крепко целует губы. Зимний ветер мчится по улицам. Догоняет сани. Треплет гриву лошадям. Грохочет ставнями. Тает в пламени свечей и очагов. Растворяется в уюте, заботе и доброте. Ожидание чуда. Мир родился. Разве то не чудо?

А внутри домов пахнет праздником. Пахнет тихим огнем, вечерним пламенем. Аромат коричных булочек и печеных яблок. Сдобное ореховое тесто наливается жаром, подрумянивается, хорошенько пропекается. Праздничный гусь покрывается золотой корочкой. Поросята на вертелах сочатся горячим жиром. Пьяная вишня закипает на слабом огне. Дровишки спокойно потрескивают в камине.

Вечнозеленые хвойные деревья: ели, лиственницы, сосны и пихты – сыплют иголками. На ветвях сплошное золото, сплошное серебро. Бубенцы и колокольчики. Полумесяцы и солнца. Перышки и грибочки. Скорлупки грецких орехов и желуди. Вечнозеленые деревья повсюду, везде! От самых тоненьких и до самых пушистых! Под ветвями радужные свертки. А что внутри? Сюрприз! Тайна, раскрываемая на рассвете.

Колокольный звон и перезвоны колокольчиков. Дона начальное дерево, могучая секвойя, блистает жемчугами в тронном зале. Повергает в безмолвие. Сияние отражается в глазах гостей: придворной знати, рыцарей, баронов, графов, герцогов!

И каждый мужчина при параде. На рыцарях искусные доспехи, на поясе церемониальные мечи. А женщины... О, как они красивы! Платья из шелка, бархата и парчи. Ожерелья, диадемы, кольца. Сотни гостей, как сотни цветов – кружатся в свободном танце. Зеленый сменяется красным, красный переливается в синий, а синий превращается в желтый.

Красно-золотой. Развеваются красно-золотые флаги и штандарты. Трубят герольды. Кричат грифоны. Музыканты перебирают лады. От барабанной дроби сотрясается земля.

– Мир родился! Да восславим мир!

– Богов восславим!

Аплодисменты. Громкий смех. Чистая радость. Беззлобные, открытые души.

– Поднебесье! Поднебесье! Холихат! Холихат!

– Принимайте дары, не жалеите животы!

Его Величество король поднимает кубок. В золотых перстнях рубины. Королева утончена и скромна. Грива приемного сына промаслена и собрана в косички, в косичках – бусины. На голове родного сына – Малая корона.

– Да восславим мир! – гремит выразительным басом государь.

– Богов восславим! – отвечает ему королевство.

И весь людской род от Загорья и до самого Междуморья...

I

Темная медь на щеках Беатрис порозовела от славного морозца. Он инеевыми лозами вплетался в ее черную косу, покусывал кончик носа, схватывался с теплым дыханием.

– Беа, надеюсь, ты не подглядываешь? – все переспрашивал и переспрашивал Себастьян.

Он, крепко держа жену за руку, вел ее за собой. А она совсем ничего не видела. Только слышала гул веселящихся толп да скрип снега под подошвами теплых сабо. Овечья шубка грела сердце. Любимый человек пушистым платком перевязал ей глаза. Он сказал, что это будет сюрпризом. Неосвязаемым подарком, который получают сразу, целиком и без остатка.

– Не подглядываю я, не подглядываю, – посмеиваясь, отвечала Беатрис. Ее забавляло поведение мужа, превратившегося в чистосердечного мальчишку, не ведающего ни ночных страхов, ни опасностей, ни душевных терзаний. Беатрис хотела верить, что для него они пропали, растворились, исчезли навсегда, не оставив даже желчной горечи во рту. Себастьян чувствовал себя счастливым. Он был рядом с женой. Он держал ее за руку. Даже через колючие шерстяные рукавички она чувствовала тепло его пальцев.

– Осторожнее, здесь скользко... – предупредил паладин.

Эльфийка ощутила, как мягкий и упругий снег под ногами сменился на твердый скользкий камень мостовой. По ней стучали каблучки сотен сапог и ботинок. Слышалось, как за спиной проносились сани. Кто-то переговаривался. Кто-то заливался смехом. Кто-то совсем рядом изъяснялся в любви.

Себастьян остановился и выпустил руку жены.

– Положи, пожалуйста, ладони вот так, – попросил он.

Беатрис коснулась каменного парапета. Муж обошел ее сзади. Чуть сдвинув зеленую шапку наверх, бережно развязал платок. Паладин обнял любовь всей своей жизни и прошептал:

– Можешь открывать глаза.

И Беатрис открыла. И в то же мгновение, в ту же секунду из них побежали теплые, мгновенно стынувшие слезы, а по коже засеменили мурашки. Но то были слезы не от разочарования или печали. Не от гнетущего расставания, когда Себастьян, взмахнув суконным плащом и пришпорив коня, устремлялся, точно феникс, вдаль.

Эльфийка плакала от вида волшебной сказки, куда только что попала и где никогда до этого не была.

О, перед ней расстилалась панорама заснеженного Эйджгейта, столицы королевства Холихат. Город был погружен в самый светлый праздник Мирсотворения. Людской праздник, превосходивший, если не по значимости, то по размаху, даже день Сошествия Ординаума.

Река Бернинтайм застыла, покрылась льдом до самого центра. Цветастые переливы Мерцающего парка там, вдалеке, озаряли небо не хуже солнечных лучей. Вертикальный замок казался сладким, посыпанным сахарной пудрой и ореховой стружкой пирогом или приторным воздушным кусочком торта, вроде тех, что по особым поводам выпекала бабушка Таута. Кстати, они с дедушкой Отисом отмечали Мирсотворение по людским обычаям, как и многие здешние эльфы.

«Заглянете к нам, порадуете стариков?» – с надеждой спрашивала бабуля еще на прошлой неделе.

«Конечно!» – заверяла Беатрис.

«О чем речь, госпожа Таута? Разумеется, мы придем!» – обещал Себастьян.

Беатрис видела, как возлюбленный привязался к ним за недолгие полгода брака. Для него, паладина, чьи родные были далеко в Вайнривере, лесные эльфы стали второй семьей...

– Ну, что скажешь, Беа? – не удержался Себастьян.

– Себ, я... Это, это... потрясающе. Я, правда, честно-честно, не знала, что может быть так. Ничего подобного в жизни никогда не видела... – сказала Беатрис.

И сказала чистую правду. Лесные эльфы в Танха-Кан знали множество праздников, и эти праздники имели великое значение для всего Доначьального леса, для самой первозданной природы и деревьев-шептунов, но они были другими. Сакральными. Лишенными всего этого внешнего, взрывающегося, разлетающегося искрами и падающими звездами великолепия.

Атмосфера эльфийских праздников была под стать древнему лесу: тихая, умиротворенная и молчаливая. Народ Беатрис терял голову в ритуальных танцах, выдувал мелодии из флейт и рогов, истязал глотку протяжным пением, щекотавшим кожу губ, но каждое, абсолютно каждое действие было осмысленным.

Лесные эльфы даже не зевали просто так. Не умели или не хотели уметь предаваться бессмысленному и беззаботному веселью. Тому, что оскорбительно зовется праздностью.

Вот, к примеру, вспомнилось девушке: Первоцвет, Алдкхома-Адсил, праздник первых цветов и ростков, прорубивших себе путь через недра Поднебесья, порождающих лес.

В отличие от людского Мирсотворения, подарками эльфы не обменивались, фейерверков не запускали, да и деревья никогда бы не стали нагружать сплошным золотом и серебром. Беатрис хорошо помнила, как они всей семьей, собирая по дороге соседей, спускались к корням деревьев, леча их медово-смоляными отварами, а потом собирались на лужайках, закапывая саженцы в черную плодородную землю.

В такие мгновения мужчины мычали согласными, а женщины голосили гласными, порождая колебания в теплом, не знающем ветров и метелей воздухе.

– А я знал, что тебе понравится, – паладин скрепил руки вокруг талии жены. – Я так хотел поделиться с тобой этим праздником. Знаешь, ведь он мой самый любимый. Больше всего боялся, что тебе не понравится и ты не разделишь со мной эмоций...

Беатрис повернула голову, заглядывая мужу в потускневшую, затемненную капюшоном плаща зелень глаз.

– Ты шутишь? Как, ну скажи, как такое может не понравиться?... Себ, если бы я только знала, что у вас, у людей, есть нечто подобное, я бы перебралась сюда значительно раньше.

– Слава богам... И вашим, и нашим, – облегченно выдохнул паладин.

Он, чуть наклонившись, уткнулся в макушку Беатрис подбородком. Ей этот жест пришелся по вкусу. Показался каким-то оберегающим.

Потом Себастьян и вовсе накрыл их обоих меховым плащом, прижав жену еще крепче.

– Мои боги – это твои боги, помнишь? – улыбнулась эльфийка.

Когда-то, прошедшим летом, подобная фраза драла горло. От нее кровоточили десны и расшатывались зубы. Это фраза кованым прутом ударяла по позвоночнику. Беатрис даже и думать не могла, с трудом и болью вспоминала этот тяжелый обряд инициации в Храме Людских богов.

Но с тех пор многое переменилось. И даже не из-за той встречи с высшим вампиром, которую Беатрис с трудом пережила. Просто девушка привыкла к чужой вере, выпитала ее, словно щепотки соли. Стала воспринимать как нечто такое, что было от самого рождения.

Верующие в сказку расы, а Мирсотворение это подтверждало, не могут быть плохими.

– Я думаю, нам пора, иначе не успеем, – напомнил паладин.

– Прости, я что-то загляделась, совсем забыла, – извинилась эльфийка, выбираясь из-под плаща. От его тепла вкупе с теплом овечьей шубки тело сделалось горячим. Беатрис почувствовала проступающие на спине капельки пота.

– Ничего-ничего, я вообще не хочу...

– Так! Пойдем, – жена ухватила за мужа. – Даже не думай, Себ. Ты мне обещал.

– Помню-помню, – хмуро, с тревогой ответил он.

Супруги, обсыпаемые и снегом, и звонкими голосами горожан, перешли мост и не спеша, перекрывая чужие следы своими, побрели по Знатному району, где больше всего пахло карамелью и ванилью. Кондитерские лавки стояли на каждом шагу, и возле них толпился радостный народ. Людские дети, точно шаловливые малютки брауни, носились вокруг родителей, играли в салки, кидались снежками. Влюбленные пары, не боясь мороза, забывая о строгих нравах, наслаждались поцелуями и поцелуями настолько страстными, будто они были последними.

И Беатрис почувствовала жажду. Ей тоже захотелось поцеловать мужа. Она бы, забыв о приличии, сделала это, но перед ними вдруг пронеслась вереница детей.

Одни – в красных колпаках, а другие – в блестящих, изумрудных.

В итоге оказалось, что это были никакие не дети, а гномы и гоблины.

– Мы этим дарили? – прозвенели гномские голоса.

– Неее, этим не дарили, – проскрипели гоблины.

– Поди, дарили.

– Мы помним.

– Ой, да у вас память не такая длинная, как нос!

– А ваша вся в бороду ушла!

Себастьян и Беатрис переглянулись и рассмеялись.

– В общем, – старший гоблин сотворил поясной поклон, – это вам, госпожа эльфийка.

Закутаные в шерсть руки зеленокожего гоблина зарылись в мешке, вытянув оттуда нечто шарообразное и объемное.

Гоблин вложил подарок в ладонь Беатрис, и когда она ее раскрыла, то увидела сделанную из шишки совшку со стеклянными глазками.

– Ой, спасибо...

Гномы же обступили Себастьяна:

– А вам, господин, полагается вот что.

В руке Себастьяна оказался крошечный, не больше скорлупки от грецкого ореха, но тщательно детализированный оловянный грифончик.

– Ого... Ну вы и угадали...

Беатрис рассмеялась.

– Такого тебе не хватало для коллекции?

– Да. Волшебники, не иначе.

– Да восславим мир! – хором воскликнули гномы и гоблины, разбегаясь по сторонам, теряясь в толпе.

– Надеюсь, – забеспокоилась эльфийка, – их не трогают?

Она с опаской посмотрела на тяжелооруженный орочий патруль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.